

ІСТОРИЧНИЙ ДОСВІД ПРАВОЗАСТОСУВАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Ю.П. ДЗЮБА

Національна юридическа академія України ім. Ярослава Мудрого

УДК (094.5)343.326(477)

ІСТОРІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ АВТОРИТЕТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЙ ГРАЖДАН В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УК УКРАИНЫ¹

На основе анализа отечественной уголовно-правовой литературы приведена позиция автора относительно понятия преступлений против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан. Использован опыт законодательного моделирования норм о преступлениях, посягающих на порядок управления XI-XXI веков.

В Уголовном кодексе (УК) Украины 2001 года появился новый раздел XV, именуемый «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан». В связи с этим, актуальным представляется вопрос о родовом объекте названной группы преступлений и определении места раздела в системе Особенной части УК.

Изучение юридической природы входящих в раздел XV УК уголовно-правовых деликтов, осмысление опыта систематизации норм о преступлениях против порядка управления, как в отечественном законодательстве, так и в законодательстве зарубежных стран континентальной системы права позволяют прийти к выводам о том, насколько обоснованным и целесообразным является законодательное решение в этом вопросе в действующем УК Украины.

Таким образом, среди общественных отношений, охраняемых нормами уголовного права, достаточно важное место всегда отводилось общественным отношениям, обеспечивающим порядок управления. Еще в Русской Правде Ярослава Мудрого, в той ее части, которая носит в литературе название Правды Ярославичей, дана «правовая регламентация жизни княжеской вотчины, ее охраны от посягательств извне, в частности от свободных общин-

ников, оказывающих сопротивление феодалам» [1, с.58]. Обращает на себя внимание установленная в ст.34 Закона ответственность за порчу межевых знаков [1, с.62], выполнявших удостоверительные функции. Этот признак, а также этимологические и исторические корни слова «документ» [2, с.898], позволяют сделать выводы о родственном характере отношений, в которые эти предметы были включены.

Вместе с тем, большинство уголовно-правовых норм, содержащихся в Русской правде, сводится в основном к охране личности и имущественных интересов князя, «лиц, служащих князю, находящихся в той или иной форме зависимости от него, а также имущества и личности других феодалов» [1, с.58].

По мере развития общественных отношений изменялись и уголовно-правовые воззрения. Если, с точки зрения Русской правды, считались преступными «только такие деяния, которые наносили непосредственный ущерб конкретному человеку - его личности или имуществу» [3, с.27], то на рубеже XV-XVI веков под преступлением стали пониматься уже всякие действия, которые так или иначе угрожали государству или господствовавшему классу в целом и поэтому запрещались законом. В соответствии с изменением (расширением) круга охраняемых уголовно-правовыми нормами отношений усложнилась и сама система преступлений. Появился новый вид уголовно-правовых норм, неизвестный Русской Правде и лишь

¹ Первичная рекомендация по направлению исследований: канд. юрид. наук Тютогин В.И. (НЮАУ).

намеченный в Псковской Судной грамоте. Это нормы о государственных преступлениях, из которых, как будет показано ниже, впоследствии были выделены нормы об уголовно-правовых деликтах, именуемых ныне преступлениями против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан (порядка управления). В этом отношении обращает на себя внимание Судебник 1550 года, в ст.59 которого выделяется новое преступление – так называемую «подписку» [3, с.108], т.е. подделку документа. Так, в 1547 г. разбиралась тяжба Шереметьева с князьями Токмаковым и Ноздреватым о подделке документов на половину села Гравороново. «Бывший в комнате Ноздреватого Власко сказался человеком убогим, который своего двора не имеет, а кормится пером. Он был пытан и показал, что уже обвинялся в подписке» [4, с.120].

Наиболее рельефно преступления против порядка управления представлены уже в Соборном Уложении 1649 года. Следуя за государственными преступлениями, а Уложение является в этом отношении «первым в истории русского законодательства кодексом, в котором дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений» [5, с.50], уголовно-правовые деликты против порядка управления открываются в Главе III уголовно-правовыми нормами, предусматривающими ответственность за нарушение порядка на государевом дворе [6, с.89-91].

И уже здесь, говоря о юридической природе названной группы преступлений, следует отметить, что мнения ученых в этом вопросе разделились. Одни ученые считают, что преступления соответствующей главы по объекту являются государственным [7, с.178; 8, с.47; 9, с.20; 10, с.343]. Другие же смело относят их к преступлениям против порядка управления [11, с.659]. Это свидетельствует, прежде всего, о близости охраняемых нормами, об уголовной ответственности за эти преступления интересов.

Более детально, чем в Судебнике 1550 года, раскрывается в Уложении и так называемая «подписка». Статьи 1-2 главы IV Соборного Уложения устанавливают уголовную ответственность за изготовление поддельных грамот, печатей, приказных писем и за наложение печати на воровские, т.е. подложные, документы. Статьи 3 и 4 выделяют в виде самостоятельного состава преступления пользование «нарядными письмами» [6, с.91]. Кроме того, Соборное Уложение 1649 г. вводит уголовную ответственность за незаконный выезд за рубеж, сопротивление власти, отдельные виды преступлений против правосудия, которые долгие годы рассматривались как преступления против порядка управления [6, с.91-99].

Дальнейшей детализации преступления против порядка управления подверглись в Артикуле воинском Петра I 1715 года [12, с.327-365]. В главе XXII этого документа устанавливается ответственность за лживую присягу и лжесвидетельство (артикулы 196-198); артикулы 194 и 206 предусматривают ответственность за недонесение о преступлении и за сокрытие преступления. Перечень преступлений против порядка управления дополняется важными составами, связанными с неповиновением и сопротивлением по службе военной и гражданской, порчей, а также срыванием указов и распоряжений (артикул 203). Этот артикул правил непосредственно Петр I [13, с.49], что свидетельствует о важности охраняемых этой нормой отношений.

Следует сказать и о том, что в XVII-XVIII веках на территории нашего государства известное распространение получило Магдебургское право [14, с.91]. Будучи, подобно Codex Juris Civilis Юстиниана, плодом труда не только законодателя, но и «созданием судебной практики и ученых юристов» [14, с.78], Магдебургское право было, несомненно, прогрессивным явлением для своего времени. Преступления против порядка управления размещались в Главах III «О высочайшей чести и власти монаршей» и XIV «О продаже, выкупах, дарах и о записях разных» рассматриваемого источника. (В частности, Артикул 13 Главы III предусматривал ответственность за подделку «грамот, привилегий, указов и печатей государевых», а Артикул 22 Главы XIV – за подлог «записей и писем разных»).

Наконец, в Своде законов Российской империи (1 часть 15 тома) издания 1832-1842 годов появляется особая группа преступлений «против правительства», которая в последующем – в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. составила основу раздела «Преступления и проступки против порядка управления».

Следует отметить, что именно с этого времени началась серьезная работа по систематизации уголовного законодательства, связанная с именами многих известных деятелей России того времени [15, 16], и, прежде всего, с именем М.М. Сперанского².

Особенная часть Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (разделы II-XII) определяла систему преступлений. На первом месте традиционно (начиная с Соборного Уложения 1649 года) находились преступления против веры (раздел II), на втором – государственные (раздел III), а уже на третьем – преступления против порядка управления (раздел IV). Такое местоположение свидетельствует о значимости, которая придавалась законодателем уголовно-правовой охране отношений по обеспечению порядка управления.

Эта же структура осталась неизменной и в последующих редакциях (1866 и 1885 годов) Уложения о наказаниях

² Поражает основательность и размах, с которыми 2-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии приступило к разработке Проекта Уложения. Кроме 15-го тома свода законов издания 1832 года было изучено действовавшее ранее уголовное законодательство России, судебная практика, а также проекты прусского (1830), баварского (1831), шведского (1832) и баденского (1839) уголовных кодексов, а также 15 действовавших в то время кодексов – шведский (1734), прусский (1798), австрийский (1803), французский (1810), баварский (1813), неаполитанский (1819), греческий (1833), римский (1833), саксонский (1840), ганноверский (1840) и др., а также уголовные законы Англии. (Краткое обозрение хода работ и предположений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. –СПб., 1846. –С.55-56).

К 1844 году был составлен «Проект нового уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с подробным обозначением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений». Он содержал таблицу из трех частей, позволяющую сопоставить статьи Уложения со статьями книги первой т.15 свода законов и ознакомиться с теоретическими обоснованиями и пояснения к статьям. Была также подготовлена объяснительная записка к проекту. Оба документа были изданы для ознакомления и обсуждения. (См.: Проект нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных... –СПб., 1844; Общая объяснительная записка к проекту нового Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. –СПб., 1844).

ях уголовных и исправительных [17].

Особое место отводилось в Уложении отношениям, обеспечивающим сохранность и подлинность документов. В разделе IV Уложения им было отведено целых две главы: глава III «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» и глава IV «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков».

В целом, позиция законодателя относительно определения различных видов преступлений против порядка управления представляется логически последовательной, отвечающей духу времени и, несмотря на известную казуистичность, безусловно, является, как и вся система Особенной части, прогрессивной для своего времени. Следует отметить, что к преступлениям против порядка управления Уложение относило также и те уголовно-правовые нормы, которые в последующем получают статус самостоятельной разновидности преступлений против государства, а также воинские преступления и преступления против правосудия.

Уголовное Уложение 1903 года структурно носило иной характер. По сравнению с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, нормы о преступлениях против порядка управления не выделяются в нем в отдельную главу. В Уголовном уложении 1903 г. можно выделить несколько глав о различных формах посягательства на порядок управления. Так, глава VI (ст.138-155) «О неповиновении власти» включала составы сопротивления или воспрепятствования законным действиям должностного лица, его насильственным склонением или принуждении к неисполнению служебных обязанностей, присвоения власти и др. В этой же главе устанавливалась ответственность за уничтожение официальных документов, герба, воинского знамени, морского флага [18, с.87]. Глава VIII (ст.179-194) была посвящена нарушениям постановлений о воинских и земских повинностях, глава XII (ст.262-279) - нарушениям постановлений, ограждающих общественное спокойствие, глава XV (ст.292-309) - нарушениям постановлений о надзоре за печатью. Подделка документа, «могущего служить удостоверением установления, изменения или прекращения права или обязанности» [18, с.89], а равно гербовой или именной печати стала рассматриваться в качестве преступления, которое посягает на интерес не только государства, но и частного лица, в связи с чем она была исключена (равно как и состав незаконного выезда за границу) из числа посягательств на порядок управления. Законодатель полагал, что такие преступления затрагивают интересы не государства, а общества, [11, с.661] и поместил соответствующие уголовно-правовые нормы в ряду норм об ответственности за преступления против общества, в главе 21 (ст.437-452).

Следует сказать, что Уголовное уложение 1903 года вводилось не целиком, а поэтапно и постатейно. И большинство норм уложения так и не вступило в силу.

Уголовный кодекс Украины 1922 г. значительно расширил круг деяний, относимых к преступлениям против порядка управления. Во многом это было вызвано резким (по сравнению с Уложением) сокращением числа разделов Особенной части кодекса (до 8). Глава I Особенной части состояла из двух частей: 1) О контрреволюционных

преступлениях и 2) О преступлениях против порядка управления. В результате такой дифференциации почти все деяния, так или иначе затрагивающие интересы государства и непосредственно не являющиеся «контрреволюционными», стали именоваться преступлениями против порядка управления. В связи с этим нормы о преступлениях, помещенных в части II Главы I УК 1922 г., весьма существенно отличались друг от друга по степени общественной опасности посягательств и впоследствии были перенесены в другие главы Уголовных кодексов 1927, 1960 и 2001 годов.

Следует отметить, что в УК Украины 1922 г. законодатель впервые закрепил само понятие преступления против порядка управления, которое относится к числу общеделикативных норм Особенной части УК и которое, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, было весьма удачным [19, с.3]. Преступлением против порядка управления по УК 1922 г. признавалось «всякое деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам Советской власти, с препятствием деятельности ее органов или иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». Следует сказать, что опыт конструирования общеделикативных норм Особенной части воспринят уголовным законодательством многих зарубежных стран³. Опыт этот представляется заслуживающим внимания и вполне может быть воспринят отечественным законодателем.

УК Украины 1927 г. были видоизменены практически все статьи об ответственности за посягательства на порядок управления. Но, несмотря на то, что соответствующая часть главы I УК 1922 г. была преобразована в УК 1927 г. в самостоятельную главу (Главу II, состоявшую, в свою очередь, из двух частей), - положение, при котором одна из девяти глав Особенной части стала охватывать почти половину составов преступлений, известных законодательству, вряд ли можно было признать нормальным⁴.

К числу особо опасных преступлений против порядка управления относились такие деяния, как массовые беспорядки, бандитизм, похищения огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов, нарушение правил о международных полетах, уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, контрабанда и т.д.

К иным преступлениям против порядка управления относились нормы об уголовной ответственности за посягательства на самые разнообразные общественные интересы. В этой главе были помещены нормы о хозяйственных преступлениях. Статьи 57, 58, 59, 60 УК 1927 г. предусматривали уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов. Статьи 61 и 62 УК – за переплавку государственной разменной монеты и незаконный выпуск займов, облигаций и других видов ценных бумаг. Статья 79 – за так называемую «простую» контрабанду. Статья

³ Примером может служить УК Франции 1992 г. Так, книга 4 «О посягательствах на основополагающие интересы нации, государства и общественного порядка» начинается с нормы, в которой дается определение «основ национальной безопасности», а ст.222-22, открывающая отдел «О сексуальной агрессии», содержит дефиницию такой агрессии.

⁴ Подробнее см.: Пригов С.А. Новый уголовный кодекс УССР. – Харьков, 1927.

82 – за преступления в сфере охраны окружающей среды. Здесь же помещались нормы о преступлениях против общественного порядка (ст.70 – о хулиганстве); против общественной безопасности (ст.96 – об ответственности за неисполнение правил при производстве различного рода работ), против правосудия ст.72 – об укрывательстве преступника или следов преступления, ст.78 – о побеге арестованного из-под стражи или из мест заключения, ст.87 – об ответственности за уклонение свидетеля от явки по вызову следственного или судебного органа или отказ от дачи показаний..., а равно воспрепятствование явке свидетеля по вызову. В этой же норме предусматривалась ответственность эксперта, переводчика или понятого, а также народного заседателя. Ст.88 – о заведомо ложном доносе, ст.89 о заведомо ложном показании, а также ст.91 – об ответственности за оглашение данных предварительного следствия. В этом же разделе были помещены нормы о преступлениях против представителей власти. Ст.69, 71 – о сопротивлении и оскорблении представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей. Ст.73 – о самовольном присвоении власти или звания должностного лица. Ст.68 и 74 УК Украины 1927 г. посвящены нормам о подделке и похищении документов.

Здесь же мы находим нормы ярко выраженной политической окраски. В ст.67 помещалась норма об агитации и пропаганде... к совершению преступлений. На этих же основаниях, думается, в разделе об иных преступлениях против порядка управления оказалась и норма об умышленном истреблении или повреждении имущества (ст.75 УК). В этом же разделе располагался также целый ряд других норм, помещенные которых в число норм о преступлениях против порядка управления представляется сомнительным (ст.76, 80, 93, 94 и др.).

Сосредоточение в главе об иных преступлениях против порядка управления столь различных по характеру и степени общественной опасности деяний свидетельствовало о том, что «у законодателя этого периода отсутствовало достаточно ясное представление о порядке управления как родовом объекте уголовно-правовой охраны и, соответственно, о круге деяний, подлежащих включению в эту группу» [20, с.214]. На это обстоятельство справедливо обращалось внимание в уголовно-правовой литературе [21, с.398-399].

УК Украины 1960 г. «расчистил» главу о преступлениях против порядка управления [22, с.333]. Это явилось шагом вперед по сравнению с предшествовавшим законодательством.

Так называемая «расчистка» шла по трем направлениям:

1) из УК были исключены статьи, которые предусматривали ответственность за преступления, «исчезнувшие из нашей действительности», т.е. те уголовно-правовые нормы, которые утратили свою социальную обусловленность и стали попросту ненужными;

Сюда можно отнести нормы об уголовно-правовой ответственности за такие преступления, как «повторное невыполнение единоличниками своих обязательств по сдаче государству хлеба...» (ст.58-1 УК), «умышленное, на основе классово-борьбы, из мести за содействие осуществлению мероприятий советской власти, истребление или повреждение имущества...» (ст.75-1 УК) и др.

2) законодатель декриминализовал целый ряд деяний, не представлявших большой общественной опасности.

Например, покупка леса, добытого путем самовольной вырубki (ст.83 УК), разработка недр земли без соответствующего разрешения (ст.84 УК), сообщение заведомо ложных сведений органам регистрации актов гражданского состояния (ст.68-1) и т.д.

3) также была переосмыслена законодателем и уголовно-правовая природа многих посягательств в части их направленности.

Из числа преступлений против порядка управления была выделена группа преступлений против правосудия. В главу VIII УК Украины 1960 г. «Преступления против правосудия» были перемещены нормы о таких преступлениях, как заведомо ложный донос, побег из места заключения или из-под стражи, побег с места ссылки и т.д. Совершенно обоснованно в главу о преступлениях против собственности был перенесен состав умышленного уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества. Была пересмотрена взаимосвязь преступлений против порядка управления и посягательств на общественную безопасность, общественный порядок и здоровье населения, что позволило часть деяний, ранее относимых к числу иных преступлений против порядка управления, переместить в главу X Кодекса «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья». Например, хулиганство, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и др. Одновременно из числа норм об иных преступлениях против порядка управления были выделены некоторые виды норм о хозяйственных преступлениях (прежде всего об ответственности за нарушения правил торговли, против природы и т.д.).

Несколько видоизменилась и сама структура Уголовного кодекса. Во многом это было связано с принятием в 1958 г. Верховным Советом СССР Закона о государственных преступлениях, во втором разделе которого предусматривалась ответственность за «Иные государственные преступления». В этот раздел был помещен ряд норм о преступлениях, ранее относившихся к особо опасным преступлениям против порядка управления: бандитизм, контрабанда, уклонение от очередного призыва на действительную военную службу и некоторые другие. Термин «преступления против порядка управления» стал применяться лишь к тем преступлениям, которые ранее относились к «иным преступлениям против порядка управления». Нормы об уголовной ответственности за преступления против порядка управления были помещены в отдельную главу (Глава IX УК Украины 1960 г.).

Как следует из вышеизложенного, круг преступлений против порядка управления был значительно сужен. Первоначально в УК насчитывалось всего 18 статей об ответственности за преступления против порядка управления. Впоследствии глава IX УК подвергалась многочисленным изменениям и дополнениям и по состоянию на 5.04.2001 года количество статей этой главы возросло почти вдвое (35 статей). Круг деяний, относимых законодателем к числу преступлений против порядка управления, как и по УК 1922 г. и УК 1927 г., по-прежнему был неоднороден, и они по-прежнему существенно различались по объективным и субъективным характеристикам.

Не удивительным, в связи с этим, является тот факт, что соответствующая глава УК подверглась своеобразной «чистке» и в новом УК Украины 2001 года, раздел XV которого насчитывает 23 нормы.

Во-первых, были унифицированы нормы об уголовной ответственности за преступления против представителей власти, работников правоохранительных органов и членов общественных формирований. Нормы об уголовной ответственности за эти преступления со времени принятия УК 1960 г. подвергались многочисленным изменениям и вследствие их казуистичности вызывали большие трудности в практике их применения. Поэтому позиция законодателя в этом вопросе представляется правильной.

Во-вторых, из числа преступлений против порядка управления был выделен целый ряд норм в связи с переосмыслением законодателем юридической природы последних, а также появлением в УК новых разделов.

Так, из числа преступлений против порядка управления была исключена ст.198-1 УК 1960 г. «Нарушение работы автоматизированных систем» в связи с появлением нового раздела «Преступления в сфере использования ЭВМ, систем и компьютерных сетей» (Раздел XVI УК Украины 2001 г.). В раздел XX о преступлениях против мира, безопасности человечества и международного правопорядка, который также не был ранее известен отечественному законодательству, была перенесена норма о незаконном использовании символики Красного Креста и Красного Полумесяца. С выделением раздела XIV о преступлениях в сфере охраны государственной тайны, неприкосновенности государственных границ, обеспечения призыва и мобилизации связано перемещение в этот раздел нормы об уклонении военнообязанного от учебных или проверочных сборов и воинского учета.

Была переосмыслена юридическая природа такого преступления, как «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок», в связи с чем этот деликт был помещен в разделе XII «Преступления против общественного порядка и нравственности». На этих же основаниях в раздел IX была перенесена норма об ответственности за создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований или групп, а в раздел XI две нормы о неоказании помощи судну и лицам, терпящим бедствие, и о несообщении капитаном названия своего судна при столкновении судов. Обоснованным также представляется перемещение в раздел о преступлениях против правосудия уголовно-правового деликта о нарушении правил административного надзора.

В-третьих, некоторые преступления против порядка управления были декриминализованы. Это норма о самовольном захвате земельного участка и самовольном строительстве (ст.199 УК 1960 г.), о нарушении правил пользования радиоустановками на судах (ст.202 УК) и др.

Нормы об ответственности за воспрепятствование деятельности народного депутата Украины и депутата местного совета (ст.351 УК 2001 г.), за незаконное использование специальных технических средств негласного получения информации (ст.359 УК) и за умышленное повреждение линий связи (ст.360 УК) являются новеллами в праве.

Изменилось также само наименование раздела о преступлениях против порядка управления. Теперь раздел XV носит название «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан». «Изменение наименования раздела вызвано тем, – как утверждают авторы

пояснительной записки к проекту УК Украины, – что именно понятие порядка управления за много лет так и не было наработано» [23, с.208]. Делается также вывод об аморфности этого понятия и указание на то, что, в связи с этим, соответствующий раздел стал своеобразным запасником для законодателя, который помещал в него статьи, которые не вписывались в структуру иных разделов [23, с.208]. С этой позицией трудно согласиться и законодательное решение в этом вопросе, на наш взгляд, вряд ли можно признать удачным.

Во-первых, роль так называемого «запасника» в УК 1960 г. выполняла не только глава о преступлениях против порядка управления. «Своеобразной «корзиной», куда законодатель сбрасывал нормы, которые не укладывались в другие главы» [19, с.24], Н.Ф. Кузнецова называет и раздел о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Сюда же можно отнести целый ряд других разделов и отдельные уголовно-правовые нормы, которые характеризуются «сложностью и многогранностью отношений, которые выступают родовым объектом соответствующих преступлений» [24, с.573]. В частности, дискуссионностью вопроса о том, какие отношения выступают основным непосредственным объектом того или иного преступления, а какие дополнительным [24, с.573]. Следовательно, указанное качество вряд ли может выступать следствием аморфности самого понятия порядка управления.

Во-вторых, различные определения родового объекта, равно как и системы преступлений против порядка управления, в науке уголовного права все же имеются. Однако одни определения слишком абстрактны. В них понятие родового объекта ограничивается лишь указанием на правильную деятельность или нормальное функционирование органов управления. Другие, напротив, чересчур казуистичны [24, с.575; 25, с.6]. В-третьих – сфера управления необоснованно ограничивается лишь сферой государственного управления [20, с.209; 26, с.391; 27, с.416]. Не все приведенные в научных исследованиях понятия в должной мере раскрывают *сущность* управленческих отношений, лежащих в основе родового объекта рассматриваемой группы преступлений.

Под преступлениями против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан следует понимать предусмотренные разделом XV Особенной части УК общественно опасные деяния, которые посягают на порядок управления – совокупность властных (субординационных) отношений, обеспечивающих беспрепятственное функционирование органов управления в различных областях жизни общества.

С другой стороны, определение родового объекта через *авторитет* органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан является, на наш взгляд, более абстрактным, по сути, и громоздким с точки зрения законодательной техники, а в науке уголовного права не раскрывается вообще. К тому же новое наименование раздела XV необоснованно сужает круг охраняемых нормами этого же раздела общественных отношений, как по *сферам* общественной жизни, так и по *субъектному составу* участников отношений.

Посягающими на авторитет органов государственной власти и управления, применительно к УК 1960 г., считалась лишь группа норм из числа преступлений против

порядка управления, составлявшая один из пяти структурных компонентов наиболее распространенной в науке пятизвенной классификации преступлений против порядка управления [21, с.413; 22, с.339-340]. В ныне действующем уголовном законодательстве Украины эти нормы либо декриминализованы, как это имеет место в случае со ст.187-1 УК Украины 1960 г., которая предусматривала ответственность за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, либо перенесены в иные разделы нового УК (ст.293 УК об ответственности за групповое нарушение общественного порядка). Следовательно, в УК Украины 2001 г. осталась лишь одна норма из той группы норм, которые именовались в науке (по УК 1960 г.) посягательствами на авторитет государственной власти [22, с.339]. Эта норма (ст.338 нового УК – надругательство над государственными символами) по новой внутрисистемной классификации относится уже к посягательствам в сфере использования государственных символов (ст.338 и 339 УК 2001), правда уже в структуре раздела о преступлениях против авторитета органов государственной власти и управления. Следует сказать, что норма ст.339 УК (незаконное поднятие Государственного Флага Украины) перекочевала в эту группу из числа норм, обеспечивающих соблюдение международных конвенций. Эта группа по новому УК вообще перестала выделяться, так как составлявшие ее уголовно-правовые нормы в новом УК нашли свое место в иных разделах кодекса.

Возникает закономерный вопрос – можно ли наделять качественными особенностями объекта уголовно-правовой охраны даже не группы преступлений на уровне подродового (видового) объекта, той группы, от которой не осталось и следа в ныне действующем уголовном кодексе, – а всего-навсего *одного единственного* состава – родовой объект целого раздела? Причем раздела достаточно объемного, включающего 22 статьи УК. Ответ очевиден. В противном случае должны быть очень веские аргументы, которых мы, к сожалению, не находим.

Законодательная новелла, связанная с изменением наименования раздела, требует своего дальнейшего осмысления. Но заменять одно понятие другим, более неопределенным и менее разработанным в науке, не отвечающим к тому же традициям отечественного законодательства, по нашему мнению, вряд ли целесообразно. Кроме того, следует, видимо, учитывать и тот факт, что язык научной дискуссии, который, применительно к нормам о преступлениях против порядка управления, имеет многовековую историю, приемлет более привычное, устоявшееся и понятное определение – *«порядок управления»*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская правда. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. /Под ред. О.И. Чистякова. -Т.1. -М.: «Юридическая литература», 1984. -430 с.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. –Т.Х-а. -СПб., -1893. –1030 с.
3. Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. /Под ред. О.И. Чистякова. -Т.2. -М.: «Юридическая литература», 1985. –519 с.
4. Барсуков А. Род Шереметьевых. -Кн.1. -СПб., 1881.
5. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве 17 века. -

М.: Изд-во Московск. ун-та, 1912. –340 с.

6. Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. /Под ред. О.И. Чистякова. -Т.3. -М.: «Юридическая литература», -1985. –512 с.

7. Чебышев-Дмитриев А.О преступном действии по русскому допетровскому праву // Ученые зап. Казанского ун-та. -1862. -Вып.1.

8. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. –Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1892. –102 с.

9. Линовский В. Исследования начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. –Одесса, 1847.

10. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. -М., -1909. -С.343.

11. Новоселов Г.П. Преступления против порядка управления // Уголовное право /Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой и Г.П. Новоселова. -М.: «Инфра-М-Норма», 1997. –768 с.

12. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. /Под ред. О.И. Чистякова. -Т.4. -М.: «Юридическая литература», 1986. –512 с.

13. Вознесенский Н.А. Законодательные акты Петра I. -Т.1. -М.-Л., 1945.

14. Кистьяковский А.Ф. Права, по которым судится малороссийский народ. –Киев, 1879. –430 с.

15. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. –170 с.

16. Ошеревич Б.С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина 18 - первая четверть 19 века): Монография. –М.: Изд-во Минюста СССР, 1946. –311 с.

17. Панов М.І. Суспільно-політичний лад і право України в період утвердження і розвитку капіталізму (друга половина XIX ст.) // Історія держави і права України. -Т.1. -К., 2003. -С.505-516.

18. Уголовное Уложение 1903 года. -СПб., 1916. -509 с.

19. Кузнецова Н.Ф. Понятие, предмет, система, значение и структура Особенной части Российского уголовного законодательства // Курс уголовного права МГУ /Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. -Т.3. -М.: «Зерцало-М», 2002. –368 с.

20. Курс уголовного права МГУ /Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. -Т.5. -М.: «Зерцало-М», 2002. –512 с.

21. Курс советского уголовного права: В 5-ти т. /Отв. ред. Н.А. Беляев. -Т.4. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. –557 с.

22. Бажанов М.И. Преступления против порядка управления // Уголовное право Украины на современном этапе. -К.: Наук. думка, 1985. –455 с.

23. КК України: Проект, підготовлений робочою групою Кабінету Міністрів України та пояснювальна записка до нього. –Харків: «Tacis», 1997. -218 с.

24. Навроцкий В.О. Кримінальне право України. Особлива частина: Курс лекцій. -К.: «Знання», 2000. –771 с.

25. Навроцкий В.О. Злочини проти порядку управління. –Львів: Вид-во Львівськ. держ. ун-ту, 1997. –С.40.

26. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чихиквадзе В.М. Курс уголовного права: В 2-х т. -М.: Госюриздат, 1959. -Т.2. –812 с.

27. Уголовное право России. Особенная часть /Под ред. А.И. Рапога. -М., 1997. –480 с.

Поступила в редколлегию 21.10.2006

ДЗЮБА Ю.П. ІСТОРІЯ ЗАКОНОДАВСТВА Й ПОНЯТТЯ ЗЛОЧИНІВ ПРОТИ АВТОРИТЕТУ ОРГАНІВ ДЕРЖАВНОЇ ВЛАДИ, ОРГАНІВ МІСЦЕВОГО САМОВРЯДУВАННЯ ТА ОБ'ЄДНАНЬ ГРОМАДЯН У ЧИННОМУ КК УКРАЇНИ

На основі аналізу вітчизняної кримінально-правової літератури наведена позиція автора щодо поняття злочинів проти авторитету органів державної влади, органів місцевого самоврядування й об'єднань громадян. Використано досвід законодавчого моделювання норм про злочини, що зазіхають на порядок управління XI-XXI століть.

DZJUBA JU.P. HISTORY OF THE LEGISLATION AND CONCEPT OF CRIMES AGAINST AUTHORITY OF THE GOVERNMENT BODIES, INSTITUTIONS IN LOCAL GOVERNMENT AND ASSOCIATIONS OF CITIZENS IN WORKING UKRAINE CCRIMINAL CODE

On the basis of the analysis for the domestic criminal-legal literature the position of the author concerning concept of crimes against authority of the government bodies, institutions of local government and associations of citizens is given. Experience of legislative modeling in norms about the crimes encroaching on the order of XI-XXI century's management is used.

М.О. ДУРСУНОВ*Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого*

УДК (477)355.415.6“1922/1929”

ЗАКОНОДАВЧЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ВЕТЕРИНАРНО-САНІТАРНОГО НАГЛЯДУ В УКРАЇНІ В ПЕРІОД НЕПУ¹

Подается обзор законодательного обеспечения ветеринарно-санитарного надзора в таких галузях народного хозяйства, як різницька справа, транспорт, експорт, торгівля і виробництво продуктів харчування тваринного походження, а також тваринництво.

Сучасний етап розвитку національної економіки України характеризується пошуками найефективніших важелів та інструментів ведення виробничо-господарської діяльності, що зумовлює удосконалення її законодавчого забезпечення з урахуванням національних особливостей, місцевих умов, багатовікового досвіду. Звернення до історичного розвитку дозволяє визначити вплив об'єктивно-суб'єктивних чинників суспільного розвитку на процеси формування і удосконалення законодавчих актів як відображення еволюції законодавчого регулювання ветеринарної справи в Україні, виявити закономірності сучасного стану відповідно до національних пріоритетів.

Надзвичайно важливим аспектом ветеринарної діяльності є ветеринарно-санітарний нагляд, який забезпечує охорону тваринництва від різного роду інфекційних захворювань шляхом попередження занесення епізоотії при транспортуванні тварин з однієї місцевості в іншу; створює умови для забезпечення якості продуктів тваринництва; здійснює охорону людей від хвороб, спільних для людини і тварини; забезпечує населення якісними продуктами харчування тваринного походження тощо.

В сучасних умовах становлення української держав-

ності постають проблеми адміністративної та кримінальної відповідальності за порушення ветеринарно-санітарного нагляду [1-3], розкриваються правові аспекти ветеринарно-санітарного нагляду на кордоні [4-6], що свідчить про актуальність законодавчого забезпечення зазначеного напрямку ветеринарної діяльності.

В рамках дослідження законодавчого регулювання ветеринарної справи в Україні у XX ст. було визначено, що одним із найменш досліджених є період законодавчого забезпечення ветеринарної справи в період нової економічної політики, спрямованої на встановлення ринкових відносин [7], що перекликається із сьогоденням.

Метою статті є дослідження законодавчого забезпечення ветеринарно-санітарного нагляду у різних галузях народного господарства України в період НЕПу; її новизна міститься у встановлених даних про відсутність законодавчого регулювання правовідносин між різними установами, що були зацікавлені у здійсненні ветеринарних заходів в перші роки нової економічної політики.

В умовах здійснення нової економічної політики основним важелем кардинальних змін в економіці стало широке використання товарообміну, необхідно було організувати посилений контроль за процесами забою тварин, переробки тваринницької продукції, торгівлею тваринами та продуктами тваринного походження тощо. Такий стан

¹ Первинна рекомендація з напрямку досліджень: докт. юрид. наук Гончаренко В.Д. (НЮАУ).